

Смертельные
тайны

ПИТЕР ХЕЛЛЕР

ОГНЕННАЯ
РЕКА

Смертельные тайны. Триллер

Питер Хеллер
Огненная река

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хеллер П.

Огненная река / П. Хеллер — «Издательство АСТ»,
2019 — (Смертельные тайны. Триллер)

ISBN 978-5-17-147435-5

Двое друзей сплавляются на каноэ по реке в северной Канаде. Их всегда связывала любовь к горам, книгам и рыбалке, а теперь еще и долгожданное путешествие. Долгие дни неторопливой гребли и сбора черники, созерцание звезд по ночам, чтение вестернов в мягкой обложке на привале... Это ли ни мечта. Но лесной пожар, пробирающийся через лес, делает их путешествие намного более опасным, чем они рассчитывали. Однажды ночью, когда огонь приближался, они слышат, как мужчина и женщина спорят на окутанном туманом берегу реки; на следующий день на реке появляется мужчина, гребущий в одиночестве. Это тот же человек, которого они слышали? А если он, то где женщина? С этого и начинается головокружительная и душераздирающая история об отчаянном выживании в дикой природе и настоящей дружбе.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147435-5

© Хеллер П., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	22
Глава третья	26
Глава четвертая	30
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Питер Хеллер

Огненная река

Роман

Моему отцу, Джону Хеллеру, лучшему рассказчику, которого я когда-либо слышал. Который впервые повез меня кататься на лодках и пел «Маленького Джо-Спорщика» и «Барбару Аллен».

Peter Heller
The River

* * *

Печатается с разрешения The Robbins Office, Inc. International Rights Management: Greene & Heaton и литературного агентства Andrew Nurnberg

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook), относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской и чья деятельность в России запрещена

© 2019 by Peter Heller
© Зеленкова А., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Запах дыма преследовал их два дня.

Сначала они думали, что он доносится от другого походного костра, и были очень удивлены, поскольку не слышали двигателей самолета и за несколько дней путешествия по цепочке длинных озер не видели ни следов присутствия людей, ни даже движения каноэ где-нибудь вдалеке. Следы в грязи на переправах принадлежали только животным: волкам, лосям, выдрам и медведям.

Ветер был северо-западный, они двигались на север, так что, если это была другая группа, то она шла впереди них. Они были в замешательстве, поскольку чувствовали запах дыма не только ранним утром и ночью: в неурочные часы они тоже ловили себя на том, что задирают носы, как койоты, раздувая ноздри.

И вот однажды вечером они пристали к лесистому острову, разбили лагерь и жарили озерную форель на костре из плавника, наблюдая, как солнце опускается за ели на дальнем берегу. Поздний август, ясные ночи становились холоднее. Не было никакого северного сияния, лишь густые искры от звезд, раздуваемые из их собственного древнего пламени. Они взобрались на холм. Им не нужны были налобные фонари, поскольку они привыкли передвигаться в темноте. Порой они продолжали грести и ночью, если чувствовали в себе для этого достаточно сил. Им нравилось то, как темнота усиливает звуки – плеск опускаемых весел, стук деревянного древка о борт. Долгий, унылый плач гагар. Последний – в особенности. Они так опустошали ночь своей тоской.

Этой ночью не было слышно ни гагар, ни ветра. Они поднялись сквозь лиственницы, несколько высоких берез со светящейся бледной корой и болиголов. На вершине холма они следовали к выступу разбитой скалы по охотничьей тропе, словно были здесь не первыми, кто искал лучшего обзора. И они увидели это. Они смотрели на северо-запад. Сначала решили, что это солнце, но было слишком поздно для затянувшегося заката, а городов в том направлении не встречалось на тысячу миль вперед. Вдалеке, над деревьями, виднелось оранжевое зарево. Оно лежало вдоль горизонта как отсвет тлеющих углей, едва заметно трепетало, заставляя их сначала задуматься, не в их ли глазах дело, а затем осознать, что это пожар.

Лесной пожар, неизвестно, как далеко и насколько масштабный, но больше, чем они могли себе вообразить. Казалось, он распространился на сколько хватало взгляда. Они не произнесли ни слова, но его тишина и складывающееся впечатление, что он словно бы дышит, напугали их до глубины души. Окрепший ветер толкал бы пламя прямо на них. При том темпе, с которым они двигались, от деревни кри, носившей название Вапак, и Гудзонова залива их отделяло по меньшей мере две недели пути. Там, где в самое северное озеро впадала река, они могли ускориться, но сократить расстояние было невозможно.

* * *

На следующее утро после обнаружения пожара они действительно заметили другой лагерь. Располагался он на северо-восточной окраине лесистого острова. Направившись туда, они немало удивились, когда нашли нетронутый высокий шалаш. Уходить никто не собирался. На гравии стояло старое, выкрашенное в белый цвет деревянное каноэ с квадратной кормой и закрепленным на транце мотором, а также пара складных шезлонгов, в которых, вытянув ноги, лежали двое мужчин. Джек и Винн пристали к берегу и окликнули их, мужчины в ответ вскинули руки. На камнях между стульями стояла пластиковая бутылка бурбона «Олд Эйдж». Полный был одет во фланелевую рубашку и носил квадратные тонированные очки в стальной

оправе, на голове худого была техасская кепка. Два спиннинга и винтовка с затвором модели «Винчестер-70» стояли прислоненными к сосне.

– Видел ли кто-нибудь из вас пожар? – спросил Джек.

– Видел ли кто из вас хоть однажды киску? – ответил тощий. Мужчины разразились смехом. Они были пьяны. Джек почувствовал отвращение, но пьянство летним утром не каралось смертным приговором.

– Там пожар, – сказал Джек, – Охренительно большой пожар на северо-западе. Его запах чувствуется в последние несколько дней.

– У вас, ребята, есть спутниковый телефон? – спросил Винн.

Это привело их в восторг по новой. Когда они закончили смеяться, полный сказал:

– Вам двоим нужно расслабиться. Подтащите себе по креслу.

Запасных кресел не было. Он зажал горлышко бутылки двумя пальцами и качнул ей в сторону Джека. Джек остановил его. Мужчина пожал плечами и вскинул мизинец, наблюдая за его продвижением так внимательно, будто управлял краном. Совершенно пьян. Озеро было узким и, если бы огонь охватил западный берег, этот остров не обеспечил бы людям безопасности.

– Как у вас дела с переправами? – спросил Джек, имея в виду переходы между озерами. Там было пять озер, протянувшихся с юга на север. Некоторые были соединены протоками судоходной реки, другие – грязными тропами, которые требовали полной разгрузки и перетаскивания каноэ. В последнем озере брала свое начало река. Большая река, которая извивалась в основном на север на протяжении ста пятидесяти миль до деревни кри и залива. Джек не был впечатлен уровнем физической подготовки мужчин.

– У нас есть эта штука с колесами, – сказал тощий мужчина. Он широким жестом обвел лагерь.

– Мы обо всем позаботились, – добавил полный.

– Кроме кисок, – и оба слегли в очередном приступе смеха.

– Огонь с подветренной стороны, – указал Джек, – там. По нашим прикидкам, примерно в тридцати милях отсюда. Это смертельно опасно.

Толстяку удалось на них сфокусироваться. Его лицо стало серьезным.

– Мы все предусмотрели, – повторил он, – а вы? Здесь всего вдоволь. Почему бы вам не выпить? – он указал на Винна. – Ты, здоровяк – как тебя зовут?

– Винн.

– Он злюка, да? – толстяк склонил голову набок, глядя на Джека. – Буянит, когда выпьет? Винноват, перебрал с вин-ном. Ха!

Винн не нашелся с ответом. Джек посмотрел на них. Сказал: «Ну, вам бы стоило как-нибудь вечером подняться повыше и взглянуть на это». Он указал на противоположный берег озера. Ему не верилось, что кто-то из них в состоянии забраться на холм или дерево. Он помахал рукой, без особой убежденности пожелал им удачи, они с Винном сели в свое каноэ и уплыли.

* * *

На третий день после обнаружения пожара они плыли вдоль восточного берега озера, называвшегося Черника. Так было подписано на карте; странное название. Как ни крути, оно не звучало правильно. Озеро Черника. Гребли близко к берегу, поскольку ветер дул с запада и сильно раскачивал каноэ. Утро выдалось странным: спозаранку усилившийся холод не спадал, затем поднялся ветер, черные волны обрушивались на них одна за одной. Белые шапки их верхушек хлестали в лица, вода переливалась через левый борт, в конце концов они решили

держаться каменистого берега и накрыть каноэ крышкой от брызг. Но туман был и там. Ветер разорвал его, однако не унес прочь. Подобного ни один из них раньше не видел.

Продолжая грести вплотную к берегу, они слышали крики. Сначала им показалось, что это птицы или волки. Не смогли разобрать, кто именно. Как и в случае с пожаром, причина выяснилась не сразу. Меньше всего они ожидали услышать человеческие голоса, однако именно это и случилось. Крик мужчины и протестующий голос женщины, высокий и сердитый. Ветер доносил до них вопли. Винн оглянулся вполоборота и указал веслом в том направлении, откуда звучали голоса. Всего на секунду, иначе они перевернулись бы, потеряв скорость. Его жест означал вопрос: стоит ли останавливаться?

Час назад они едва не перевернулись, устанавливая крышку. Сидящий спереди Винн был тяжелее, что помогало защититься от порывов ветра, но поднявшаяся волна швырнула их о берег, к счастью, усыпанный гладкими камнями. Они разбили бы лодку, окажись пляж покрыт известняковым сланцем. Это был опасный маневр.

Слов они не могли разобрать, но в голосе женщины звучала ярость, а тон мужчины не был угрожающим, просто возмущенным. Джек отрицательно покачал головой. Если пара может рассчитывать на уединение в своем доме, то почему бы им не иметь на него права черт знает где? Не удавалось разглядеть ни фигур споривших, ни даже берега, но время от времени возникали намеки на деревья, просто тени в ревом тумане, стена из теней, которые, как они знали, были опушкой леса; плавание продолжалось.

Глава первая

Они оба любили сплавляться в шторм. Накидная крышка, герметизирующая каноэ, позволяла чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока его не заносило вбок. Они отплыли подальше от теней и звуков с берега. Компас был не нужен, пока удары волн приходились на левый борт. Они справлялись с натиском воды, но опрокидывание вдали от суши грозило им смертью. Требовалось соблюдать осторожность, чтобы пересекать белые гребни бурунов под углом. Оба гребли, стоя на коленях, чтобы центр тяжести располагался ниже. Это утомляло. Затем ветер внезапно стих, будто его выключили, меньше чем за полчаса озеро сделалось гладким, как стекло. Создавалось ощущение, будто они подвешены в тумане. Они двигались как бы внутри плавучего нимба: в любом направлении рассмотреть можно было лишь несколько ярдов черной воды. Бледный туман стелился клочьями, точно упрямый дым. Вода шелестела вдоль корпуса, своим серебристым блеском напоминая Винну вискозу. Это было похоже на сон. Ему вспомнился прочитанный однажды роман Эдгара По, в котором потерпевших кораблекрушение притягивает к Южному полюсу, и по мере приближения к нему несущее их течение становится все теплее и спокойнее.

Винн перестал гребсти. Будучи сегодня баковым¹, он задавал темп, поэтому Джек тоже опустил весла – и каноэ свободно заскользило по озеру. Лодка была из гладкого кевлара, девятнадцати футов в длину, с V-образным носом и прямой кормой. Что-то умиротворяющее было в прекращении гребли посреди спокойной воды. Все равно что наблюдать за стаей уток, синхронно плывущих над грядой деревьев, расправив крылья.

- Это было странно, – сказал Джек.
- Охрененно согласен. Что именно?
- Хоть галочками помечай, – ответил Джек.

Он положил весло на крышку и достал из нагрудного кармана рубашки жестянку с табаком. Брызги вымочили его до нитки, однако Джек никогда не надевал дождевик, если греб, поскольку, по его словам, от пота промокал не меньше даже в дышащем материале. Он также принципиально не пользовался спреем от насекомых. Он прикусил губу.

– Давай посмотрим: туман и ветер одновременно, во-первых. Ах да, и мороз. Внезапное затишье. Крики. И теперь это. Немного странно.

Винн промолчал. Они все еще скользили, почти полная тишина создавала ощущение какого-то таинства. Он опустил палец в темную воду, все такую же холодную, около четырех градусов, и за ним потянулся небольшой след. Это был единственный признак продвижения вперед.

- Я думал о том романе По, – сказал он наконец, – «Артур Гордон Пим»².
- Да ну? – Джек сплюнул за борт. – Интересно, кто были те двое. Звучали как парочка.
- Может, мы увидим их снова.
- Надеюсь, что нет. Все утро размышлял, не стоило ли все-таки остановиться.
- Рассказать им о пожаре?
- Ага.
- Это было бы рискованно, – заметил Винн.

Он собирался маневрировать – на случай, если бы пляж оказался устлан обломками известняка. Пляжем они называли любую открытую береговую линию, полого спускающуюся к воде.

¹ Баковой гребец отвечает за темп.

² «The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket», в русском переводе – «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима».

– Я подумал, может, стоило притормозить и окликнуть их, – продолжал Джек. Они дрейфовали.

– Не хочешь перекусить? – спросил Винн.

– Можно. Расклад для этого вроде бы благоприятный.

Крышку сняли с креплений, Джек, порывшись в рюкзаке, вытащил брусок острого чеддера, копченую колбасу и пластиковый пакет с поломанными крекерами. Он опустился на плетеное сидение. В рюкзаке также нашлась маленькая разделочная доска, Джек положил ее на колени и, вооружившись складным ножом, нарезал сыр и колбасу.

* * *

Они были лучшими друзьями из Дартмута, решившими взять отпуск на лето и осень. Оба работали инструкторами по выживанию в дикой природе в рамках программы на Адирондаке. Весь июнь и июль, и половину своих сбережений они хотели потратить на путешествие вверх и вниз по реке на старом гидросамолете «Выдра». Ни один из них не был особенно привязан к своему дому. Весной Джек расстался со своей школьной возлюбленной. Жила она в долине Фрейзер в Колорадо, неподалеку от Грэнби³, где у семьи Джека было небольшое ранчо.

У Винна не было девушки со времен школы Патни в Вермонте. Это была своего рода модная школа-интернат, но он с семьей жил в трех милях оттуда и учился в дневную смену. Он встречался с дочкой кинозвезды, которая находила его экзотичным и немного простоватым, и он рассказывал Джеку, будто понял, что ничего не получится, когда на весенние каникулы поехал к ней в Малибу; все отправились на поздний будничны́й завтрак, мать и дочь заказали яйца по-флорентийски, он спросил, что это такое, и они обе повернули к нему головы.

– Винн, это как Бенедикт, но со шпинатом вместо канадского бекона, – сказала мать.

Она поправила очки.

– Бенедикт? – уточнила она, – Знакомо? Нет?

И они обе расхохотались, а Кери протянула руку, чтобы похлопать его по плечу. Он знал, что такое яйца Бенедикт. После он рассказывал, что похлопывание обожгло его, точно клеймом, и в тот же день он поменял билеты и улетел домой. Как бы то ни было, шел сезон заготовки сахара, одно из его любимых времен года, и он помогал отцу вываривать его в маленькой сахарной лавке на Сойер-Брук.

Иногда они варили всю ночь напролет. Поднимающееся солнце окрашивало пятнистый снег в розовый цвет, предрассветный ветер шелестел сухими листьями дубов и голыми ветвями кленов. Он слышал журчание талого ручья, песни поползня. Огонь потрескивал под длинным чаном с прозрачным сиропом, отец с сыном практически не разговаривали, но он знал достаточно о таких вещах – в основном из большого количества прочитанной художественной литературы – чтобы понять, что это, возможно, были лучшие часы, которые они когда-либо проводили вместе.

Пытаясь справиться со своей душевной болью, он попутно осознал, что, вероятно, был таким же безжалостно мелочным авантюристом, как и она: ей хотелось побаловать себя мальчиком из местных, который носил фланелевые рубашки, умел ловить рыбу, рубить дрова, чувствовал себя как дома, засыпая под открытым небом, поскольку сама она жила в пятизвездочном отеле, а он, в свою очередь, хотел встречаться с дочерью звезды, путешествующей по миру так, словно она представитель другого биологического вида. На самом же деле она была просто молодой девушкой, которая испугалась, оказавшись вдали от дома, а он был куда более культурным, чем могло показаться, и провел больше часов в художественных музеях Бостона и Нью-Йорка, чем готов был признать. Он просто никогда не пробовал яиц по-флорентийски.

³ Крупнейший город в округе Гранд, штат Колорадо.

Однажды утром, прогуливаясь по сахарной плантации Дасти Ридж, он пришел к выводу, что они с Кери никогда не дружили по-настоящему и даже смеялись вместе крайне редко. Это было печально.

История Джека выглядела куда проще. Он знал Шерил со второго класса, ее отец переехал в долину, чтобы занять пост начальника полиции, они были лучшими друзьями до тех пор, пока она не захотела выйти замуж и завести детей; тогда он понял, что она замечательнейшая из женщин, и что ему уже стало скучно. Он отправил ей письмо на мотив «Дорогой Джилл» в мае, и выразил искреннюю надежду на то, что они останутся друзьями навсегда.

В общем, и Джек, и Винн вкусили свою долю замешательства, и, возможно, внутри каждого из них поселилась тяжесть, подобная камню. Винн никогда бы не признался, что был влюблен и что насмешка Кери стала для него ударом под дых. Или, например, что не ходил на свидания первые два года учебы в колледже из-за своей застенчивости.

Они дрейфовали. Джек продолжал нарезать колбасу и сыр, пока те не закончились. Они походили на волков. Чем хорошо путешествие на каноэ, так это тем, что можно не ограничивать себя в провизии. У них были две пластиковые бочки, до такой степени набитые едой, что им бы хватило, даже если бы они до конца путешествия не поймали ни единой рыбешки.

– Должно быть, они плывут в Вапак, – предположил Джек.

Там была деревня, в которую они направлялись: план состоял в том, чтобы сплавиться по последнему озеру, из которого брала начало река, а затем по реке в течение пары недель, и в конце концов добраться до небольшого поселения в устье Гудзонова залива.

– Или они просто устроили себе тур по озерам, и их непременно отсюда заберут. Их, и тех пьяниц тоже.

Они думали об этом. Обоим пришло в голову, хотя вслух об этом не говорили, что с приближением пожара самым безопасным решением будет улететь с озера Черника как можно скорее. К первому озеру их доставил гидросамолет, и они могли бы покинуть эти края тем же способом. Потому что сегодня вечером или завтра утром самое северное озеро сменит река. Когда они оставят позади озеро и поймут течение, которое станет рекой Масвой, пути назад уже не будет. Они собирались, держась в быстром потоке течения, проплыть на веслах весь путь до Гудзонова залива. На большой, но узкой реке не найдется места для посадки гидросамолета до самого устья, которого они достигнут через две недели. С другой стороны, остаться на озере они тоже не могли, поскольку у них не было ни радио, ни спутникового телефона чтобы связаться с аэродромом в Пикл-Лейк или с любым другим. Или хоть с кем-нибудь, потребуйся им срочная помощь. Они обсуждали это при планировании поездки и сошлись во мнении, что современные средства связи сделали всю романтику настоящих приключений пережитком прошлого. Кроме того, спутниковый телефон был им не по карману.

Они дрейфовали в тумане. Каждое легчайшее дуновение ветра с северо-запада несло в себе резкий запах, отличавшийся от запаха дровяных печей, привычного в долинах, где они выросли. Он казался более тяжелым и темным от переизбытка угля.

– Может, у них был с собой телефон, – рискнул предположить Винн.

Они дрейфовали.

– Думаешь, нам следует прерваться? – сказал Джек.

Винн пожал плечами.

За два года знакомства они вместе переплыли множество рек и покорили не одну вершину. Иногда жажда опасности нападала на одного, иногда – на другого. В их командном мышлении был тонкий, но прочный баланс риска и осторожности, при этом роли часто менялись, и именно это делало их такими хорошими партнерами. Джек не проявил бы неуважения к своему другу, проигнорировав его тревогу. Он сказал:

– Мы приложили много усилий, чтобы оказаться здесь, верно?

– Ага.

– Но никому бы не хотелось оказаться в ловушке здорового пожара.

– Не-а.

– Хочешь шоколада? – спросил Джек.

– Еще бы.

Они едва чувствовали дуновение ветра на своих ушах и щеках, он разгонял туман над водой бесконечно вяло, словно вне тумана времени не существовало и не будет существовать впредь. Казалось, стало немного светлее.

– Если тех двоих не заберут, и они планируют отправиться вниз по реке, мы обязаны рассказать им о пожаре, – сказал Винн.

Обертку от шоколада он скомкал и протянул Джеку, который засунул ее в прикрепленный к одной из бочек сетчатый карман. Мусор они сожгут сегодня вечером.

– Все, кто плывет вниз по реке, захотят поторопиться.

– Мы потеряем полдня, да? – Джек шумно выдохнул, надувая щеки.

Он вытащил весло с его привычного места в кармане на носу.

– Ага.

– Что ж, давай терять, в таком случае.

Они развернули каноэ, преодолевая легкое килевое⁴ сопротивление, закрутили его вокруг своей оси, выправили и зарылись в воду. Обратно они двинулись, тем же путем, которым приплыли. Без ветра и волн, которые задавали бы направление, Джек сориентировался по компасу и взял курс на сто семьдесят градусов; они возвращались в туман, чтобы предостеречь другую группу.

* * *

Туман в самом деле рассеялся. Казалось, что за считанные минуты он посветлел и прояснился, растворившись в бодрящем утре, как будто его никогда и не было, а небо вдруг сделалось безоблачным и осенне-голубым. Эффект прозрачного воздуха уподоблялся взгляду через увеличительное стекло: ствол каждой березы, казалось, выделялся на фоне лиственниц и елей, по краям ветвей просматривались желтые пятна, а отдельные иголки были блеклого цвета осенней травы. Соцветия розового кипрея под деревьями вдоль берега казались цветными вспышками, словно на картине. Лето будто в одночасье уступило место осени. Прекрасное зрелище, однако оно напугало их обоих. Основная часть порогов ждала впереди, и было бы гораздо безопаснее, задержись теплые дни конца лета подольше. Они захватили с собой гидрокостюмы, но слышали об экспедициях, в которых застигнутые врасплох ранним снегом или холодом люди погибали. Это случилось во время ставшей знаменитой поездки на каноэ шестерых дартмутцев в 1955-м году вверх по реке Дубаунт, когда лидер группы Арт Моффатт погиб во время долгого сплавления через стремнину в морозную погоду. Здесь, наверху, нельзя было точно предсказать время смены сезонов, и они выбрали свое окно с расчетом на самый низкий уровень воды и наиболее теплые дни; кроме того, их рабочие смены именно тогда подходили к концу.

Они продолжали грести. Джек мурлыкал песенку. Во время плавания он имел обыкновение напевать что-нибудь из старых ковбойских песен, которым научил его отец, таких как «Улицы Ларедо», «Маленький Джо-Спорщик» и «Барбара Аллен». Иногда еще что-нибудь из Скай Феррейры, Дрейка и Соланж. Винн высоко ценил его репертуар.

Несколько дней назад они проплывали между двумя островами на озере Печали, и с кормы Винн разглядел что-то в воде. Что-то большое и оставляющее позади себя след рассеченных волн, будто маленькая лодка. Он вздрогнул. Чем бы это ни было, оно направлялось к

⁴ Килевое сопротивление – сопротивление, что возникает при движении лодки поперек течения.

тому же острову, на котором планировалось разбить лагерь. Джек мурлыкал и напевал отрывки из «Гуантанамеры» Уайклефа Джина:

– Я стою в баре, при кубинской сигаре... Эй, похоже, она смотрит на меня издалека...

Винн на корме прищурился и разглядел лосиные рога. Огромные. Без преувеличений громадные, если судить по тому, что их величина впечатляла даже с такого расстояния. В двух милях от ближайшего берега. Прекрасно. Им предстояло делить маленький остров со спокойно плывущим лосем. Хорошо хоть сезон гона еще не наступил.

– Эй, эй, Джек, глянь на это! Черт побери, – он не знал, почему говорит шепотом.

Джек продолжал напевать, полностью погруженный в свои мысли.

– Эй!

Напевный гул, бормотание, несколько рифмованных строчек рэпа.

– Эй! Чувак!

Джек испуганно обернулся.

– Ты в курсе, что поешь весь день?

– Да ну?

– Ну да. И у тебя прибавилось слушателей, – Винн указал своим веслом в нужную сторону.

– Охренеть, это что, лось? – рассмеялся Джек, – Жаль, мы не можем запрячь этого ублюдка, как северного оленя. Посмотрел бы, как он таскает почту. Скорости небось узла четыре.

Они все-таки решились разбить лагерь на острове, и в ту ночь у них не возникло никаких проблем с сосуществованием. На южном берегу была бухта, полная ряски, они тихонько обходили ее стороной и смотрели, как лось пасется. Незадолго до наступления окончательной темноты они пили поздний кофе, сидя у костра, и вдруг Джек беззвучно свистнул, а Винн обернулся и увидел его, наблюдающего с опушки; лось казался неприкаянным и будто бы хотел присоединиться к ним. Он явно никогда раньше не видел людей.

Теперь, когда туман рассеялся, а воздух стал прозрачным и холодным, им казалось, что с обнаружением лагеря той парочки проблем не возникнет, однако они ошиблись. Им пришло в голову, что, возможно, народу там было больше. Не два человека. Быть может, целая экспедиция разбила лагерь на восточном побережье, а все, что они слышали, было лишь ссорой пары на пляже. Может, мужчина и женщина отошли от группы, чтобы поругаться. Но в таком случае заметить их яркие палатки или увидеть вереницу каноэ, ползущих на север, точке перехода озера в реку, было бы в разы проще, однако ничего подобного не происходило. Они никого не видели.

Сплошные заросли цветущего кипрея, стена леса, неглубокие заводи с каменистыми пляжами, иногда обрамленные полосами высокой желто-коричневой травы; им попадались на глаза скалистые бухты с поваленными елями, лежащими поверх черных валунов и выбеленными, как кости, и низкие участки растительности между скалами на берегу, которые, как они знали, были низкорослыми кустарниками черники.

Если у кого и возникало желание остановиться и пособирать ее, то вслух они об этом не говорили. Ситуация их угнетала. Дав себе почти месяц – а то и больше, на пересечение череды озер и сплавление по реке, они рассчитывали на путешествие без точной даты окончания. Заказанный рейс из Вапака допускал изменения – они назначили бы дату, добравшись до деревни, и собирались двигаться неторопливо, с короткими переходами, если им того захочется. Становится где-нибудь лагерем, чтобы отправиться в поход, поохотиться, если приспичит, набрать ягод, отдохнуть, выкурить по трубке и расслабиться – трубки были анахронизмом, им нравилось устраивать перекуры в лагере и затягиваться смесью ванильного табака, так они чувствовали себя старыми исследователями. Они жаждали окунуться в эту страну без спешки из-за перегруженного маршрута. Даже часов они с собой не брали, определяя время по солнцу

или звездам, когда могли их видеть, и по ритмам собственных тел, когда не могли. Большинство их предыдущих заплывов по рекам отличались суетливостью, поскольку оба были студентами с работой и малым запасом свободного времени. Им хотелось попробовать по-другому, почувствовать, каково это на самом деле – пожить немного внутри пейзажа. Теперь же все изменилось. Пожар, замеченный ими накануне ночью, и ранние заморозки меняли все.

Путь их лежал в обратном направлении, на сто семьдесят градусов от курса, которым они ранее шли, он вел их к берегу, и казалось странным, что до сих пор на глаза не попадалось никаких следов недавнего лагеря или признаков недавно прошедших здесь каноэ. Небольшой ручей, текущий со стороны леса, пересекал пляж, который был несколько пошире прочих, возле него они решили остановиться, развести костер, выпить чаю и хорошенько все обдумать. В обычное время они бы отправились удить рыбу в окрестных болотах, однако сейчас им было не до этого. Стоячая вода выглядела темнее, чем в озере, которому лучи послеполуденного солнца придали непрозрачно-зеленый цвет. В таких коричневых от танина ручьях и мелких притоках им частенько везло с рыбалкой, но ни один из них не потянулся за удочкой.

Дров оказалось в достатке. Они пристали к подветренному берегу, где плавник разбивался о камни, как корабельные обломки об линию прилива. Серебрящиеся скелеты елей, гладкие и твердые, сгнившие трупы берез, все еще обтянутые кожей из порошкообразной белой коры. Охапка прутьев поменьше, основательно выдержанных на солнце и ветру, треснули об колено Джека с громкостью пушечного выстрела. Он собирал хворост, пока Винн стоял в своих резиновых «Веллингтонах» на расстоянии в несколько футов от берега и разглядывал устье вверх и вниз по течению нефритовой реки через бинокль. Джек не в первый раз замечал за ним такое – привычку стоять на мелководье глубиной где-нибудь в фут, хотя с таким же успехом можно было оставаться на берегу – и его это забавляло. Точно так же как Джеку было комфортно пребывать на большой высоте и открытом воздухе, Винну нравилось лезть в воду везде, где только можно, и даже против хаоса стремнины он не возражал – напротив, именно там казался наиболее оживленным. С рыбалкой то же самое: Джек предпочитал закидывать удочку с сухого носа весельной лодки, в то время как Винн выбирал торчать по колено в стремительном течении и переходить реки вброд. Джек списывал это на особенности происхождения: он вырос в самом сердце Скалистых Гор, и именно там чувствовал себя в своей тарелке. Высокие пустоши, еще более высокие пики. Мир Винна же был страной ручьев и рек, прудов и озер; миром воды.

Винн опустил палец на колесо фокусировки и навел бинокль на северный берег. По правде говоря, он не смог бы разглядеть то место, где заканчивалось озеро и начиналась река, но благодаря карте знал, где оно находится. Рядом с горбом ледниковой морены⁵, которая в минувшую эпоху была грудой обвалившихся камней, а теперь смягчилась мхом и деревьями. С утра они были так близко к нему, а теперь их разделяло примерно пять миль. Именно там брала свое начало река, и в полутора милях вниз по течению ждали первые водопады, ужасные ступенчатые пороги, где в прошлом году погибли четверо забывших про необходимость обходить их справа. Выше по течению вода неслась очень быстро, а левый берег представлял собой отвесный выступ, к которому нельзя было пристать. В любом описании реки особенно подчеркивалось предупреждение держаться как можно правее, отъехав примерно на милю от озера.

Пара крохалей возникла в поле зрения бинокля Винна и тут же покинула его, быстро направляясь на юг. Он поглядел на восток и заметил парящего в вышине крупного хищника; проследовав за ним взглядом, он заметил вспышку белого, и уверился в том, что это охотится белоголовый орлан.

Но ни одного каноэ. Винн сдался и занялся тем, чем, согласно предположению Джека, и должен был заняться. Отложив бинокль на камни, чтобы не болтался на шее, он присел на

⁵ *Морена* – обломки горных пород, перенесенные ледником на некоторое расстояние.

корточки и принялся собирать гальку, выскивая ее вдоль и поперек всего пляжа. Вернулся с полными пригоршнями камней. И не только их, еще захватил палки и два пера, вероятно, скопы и вороны – все это он, опустившись на колени, сложил в две кучи, похожие не столько на пирамиды, сколько на погребальные курганы, направил воду вокруг них, а перья пустил плавать по каналам, как лодки.

– Баркасы, – пробормотал он себе под нос, но Джек его услышал, – Как на похоронах викингов.

Если Джек напевал, то Винн разговаривал сам с собой, особенно когда был занят своими штуковинами. Джек так это называл. Винн был без ума от Голдруорти⁶, скульптора-эколога, благоговел перед этикой эфемерного искусства, от буддистов и живописи до молодых лун Джея Мида⁷. От таких вещей как высвобождение эго; чистоты, что кроется в кропотливом создании чего-то, имеющего недосыгаемый смысл, чего-то что нельзя даже подписать, на протяжении часов и дней. Того, что этим можно сказать о собственности и непостоянстве всего на свете. На него меньше впечатления произвели экстравагантные облачения Христо Явашева⁸, которые Джек счел грандиозными и подавляющими.

Сидящий на корточках у кромки воды Винн напоминал Джеку ребенка с пластиковым ведерком на пляже. Он был столь же увлечен и счастлив.

– Ты даже не собираешься это фотографировать?

Винн поднял взгляд, пожал плечами. У него была дурацкая улыбка человека, застигнутого за серьезным разговором с бурундуком.

Джек развел огонь. Когда тот затрещал и запылал, зачерпнул воду чайником, водрузил его на два плоских камня и палкой сгреб угли с горящими ветками в щель между ними. Вода быстро закипела, он поддел проволочную ручку своей палкой, передвинул чайник на один из камней, затем отправился к каноэ за чаем и коричневым сахаром из пластикового контейнера, в котором они хранили вещи на каждый день. На дне его лежали два аварийных одеяла, водонепроницаемая упаковка спичек и тюбик с зажигалкой. Еще пакет с едой: сладкие овсяные хлопья, энергетические батончики, сухофрукты в общей сложности на несколько приемов пищи; им двоим хватило бы дня на три. Также сигнальное зеркало и маленький компас без рамки. Он бросил чайные пакетики в чайник, сел на гладкое бревно под ярким солнцем и стал смотреть на озеро.

«Нет такого места, которое я предпочел бы этому», – подумал Джек. А затем, практически без перехода: «Что-то здесь не так». Он чувствовал это затылком, подобное уже случилось, у него волосы встали дыбом перед штормом, когда он собирался возвращаться домой на сноуборде. И еще как раз перед тем, как он вышел на поляну в Монтане прямо под пристальный взгляд гризли. При нем всегда было это шестое чувство – у некоторых людей оно развито довольно хорошо, – и он полагал, что оно не раз спасало ему жизнь. Как в то утро, когда ему было одиннадцать и его молодая кобыла поскользнулась на камнях над бушующим в летнюю пору устьем реки. Теперь он почувствовал жар, разливающийся вдоль шеи, и поспешил отогнать этот образ.

Он вздохнул. Более мирную картину трудно было вообразить. Позади него пчелы жужжали в кипрее и астрах. Чай заваривался, озеро остекленело, белое солнце висело на полпути к лесу и согревало каменистый берег. Одежда на нем практически высохла. В тридцати футах

⁶ *Энди Голдзурти* – английский скульптор, фотограф и художник, создает скульптуры и инсталляции на природе и из природных материалов.

⁷ *Сидней Джей Мид* – американский художник, дизайнер и футурист. Приобрел широкую известность как автор концепт-арта для научно-фантастических фильмов.

⁸ *Христо Явашев* – американский скульптор и художник болгарского происхождения, прославившийся вместе со своей женой Жанной-Клод де Гийебон своими работами, в которых «упаковывал» различные объекты.

от него сидел его столь же, по-видимому, довольный жизнью лучший друг. *Куда уж лучше.* Он привык задавать самому себе этот риторический вопрос.

Не вздымалось столбов смога на западе, должно быть, переменился ветер. Здесь его не было вовсе, бледный дым от их костра поднимался почти вертикально вверх, редел и исчезал прежде, чем достигал верхушек елей. Но беспокойство не покидало его. Сейчас они должны были быть очень близко к тому месту, откуда доносились крики, однако не находили никаких признаков того, что здесь вообще кто-то побывал.

Он разлил крепкий чай по двум дорожным кружкам из нержавеющей стали, досыпал в свою сахара, размешал веточкой, сел на бревно и все равно не смог толком расслабиться. То, что раньше просто забавляло, теперь представлялось каким-то зловещим. Предчувствие касалось не какой-то общей, глобальной угрозы, вроде того, что *осень в этом году решила наступить пораньше, нужно закруглиться до заморозков*, или того, что *на северо-западе разгорается охрененно большой гребаный пожар и, возможно, стоит ускорить темп...* – нет, к таким переменам он был готов. Семья, промышляющая скотоводством, с чем-то подобным сталкивалась регулярно, и переживаниям об этом он выделял такое место в своей психике, где они не затрагивали бы его повседневного благополучия – секрет жизненного успеха заключался в том, чтобы быть бодрым духом и быстро адаптироваться. Сейчас ощущения были не те. Его кожу словно покалывало приближением некой особой и неминуемой опасности, источник которой он никак не мог определить.

– Эй, – позвал он, – Динь-дон. Чай готов.

Винн встал и подобрал бинокль. Он прошагал к костру и сел рядом на бревно. Джек протянул ему чашку.

– Странно, – сказал Винн, – Я обследовал весь берег. Это же не мог быть ветер, как ты считаешь? Нам не могло послышаться?

– То есть? Ветер заорал: «*Это мое* чертово путешествие! На этот раз *мое!*» Потому что нечто вроде этого мне и послышалось.

– Ага. Мне тоже. То была девушка. Он, если я правильно понял, кричал: «*Чушь собачья! С меня хватит! Это в последний раз!*»

– И что ты предлагаешь делать теперь? – в общей сложности они проплыли уже больше десяти миль.

– А ты?

– Ну, – Джек изучал камни у себя под ногами и размеренно двигал челюстью, что, как знал Винн, являлось признаком его глубокой задумчивости, – Они могли как-нибудь проскочить мимо нас в тумане. Хоть это и маловероятно, да?

Оба были исключительно сильными гребцами и знали это, как и то, что в то утро на волнах они не халтурили.

– Как будто у них при себе был электродвигатель и солнечная панель, как у тех придурков.

– А почему бы и нет, – сказал Джек, – Люди таскают их с собой как раз для того, чтобы пересекать озера.

– Чел, с таким же успехом можно не тащиться за тридевять земель от дома и кататься по окрестностям? – главным эстетом в тандеме был Винн. За последнее утро Джек несколько раз успел подумать о том, что обзавестись мотором – классная идея.

– Это забавно, как минимум. Я не знаю.

– Так говорит твое паучье чутье?

– В точку.

– Черт! – Винн резко дернул чашкой, плеснув содержимым на камни, – Я опять это сделал, – он отвинтил крышку и принялся дуть на обжигающе горячий чай, – Ошпарил язык.

Джек едва его слышал. Он всю боролся с редкостной силы чувством предзнаменования.

– Кем бы они ни были, думаю, мы уже проявили должную предусмотрительность. Мы хотя бы попытались их предупредить, – сказал он.

Омрачать поездку Джек не хотел: ничего нет хуже скептика в экспедиционной группе. Но теперь он отчасти жалел, что они не нашли тех ребят, что не спросили, есть ли у них спутниковый телефон, не связались с Пикл-Лейк. Не обязательно для того, чтобы вызвать самолет, хотя бы для получения последней информации о пожаре, за распространением которого, он абсолютно уверен, должен был следить Пожарный Центр.

Волосы, встающие дыбом на затылке, мурашки по коже – он приучил себя не игнорировать такие предчувствия. Словно отдаленный звон тревожных колоколов где-то глубоко в основании его черепа, который он мог бы услышать, если бы прислушался. Но у них не было спутникового телефона, а те двое пропали без следа, и они в любом случае уже приняли решение покинуть озеро и войти в реку. Которая представляла собой воронку течения и обрекала их по меньшей мере на две недели стремительного бега наперегонки с водой и волочения в обход больших порогов. Он не сказал ни слова; на этот раз рот он держал на замке.

– Хочешь остановиться на привал здесь? – спросил Винн, – При таком раскладе завтра нам хватит времени на переправу и спуск к водопаду, мы сможем не торопиться и быть по-настоящему осторожными.

– Ладно. Эй, здоровяк?

– Да?

– Забей.

Винн опустил чашку и изучающе взгляделся в лицо своего друга. Проглядывающие из-под недельной щетины смуглые скулы, обгоревший нос, «гусиные лапки» в уголках почти что черных глаз – россыпь тонких морщинок, более светлых, чем кожа вокруг них; вдоль жилистой шеи разбросаны мелкие веснушки. Он не заработал ничего из этого, учась плавать на каноэ в летнем лагере или же посещая Национальную Школу Лидерства На Открытом Воздухе. Винн мог ему позавидовать. Не в первый раз он задумался о том, что для Джека торчать под открытым небом, спать под звездами и готовить на костре было столь же естественно, как дышать. Путешествовал на выючных лошадях со своей семьей он с тех самых пор, как смог впервые самостоятельно вскарабкаться на спину едва приученной к седлу кобылы. И в отличие от большинства людей он, казалось, совершенно не возражал против перспективы замерзнуть, промокнуть или утомиться. Хорошего в этом мало, но без таких вещей жизнь сделалась бы скучной. Вот в чем разница, подумал Винн. Для Джека такие вещи как холод и голод сами по себе плохими не являлись. Они просто случались, и лучше бы им было долго не длиться; но до тех пор, пока у кого-то есть силы их преодолевать, вреда от них никакого. Такая позиция придавала Джеку стойкости и темперамента, которыми Винн восхищался. При росте чуть больше ста семидесяти сантиметров Джек все равно оставался ниже. Винн мог самостоятельно вытолкать из грязи машину, зато Джек был легче, стройнее и быстрее бегал, и была в нем эдакая, что называется, врожденная твердость. Поэтому, когда Джеку случалось беспокоиться, Винн весь обращался во внимание.

– О чем задумался, кэп?

Джек неопределенно пожал плечами.

– У тебя скверное предчувствие?

– Может быть, самую малость.

– У меня тоже. Пожар, и еще те мерзкие парни. Все страннее и страннее. Но у нас не то чтобы много выбора, верно?

Джек наконец оглянулся. Под ослепительным солнечным светом его глаза казались ясными и полными огоньков. Если он и был взволнован, это не мешало ему забавляться ситуацией. Тем, как дерьмо продолжает набирать обороты.

– Ага, у нас его нет, – ответил он, – И это значит, что нам не нужно ничего решать.

* * *

Продуктов у них было полно: порошок из черной фасоли и лебеды, рис, макароны, чечевица, даже несколько килограммов вяленого мяса. Не забыли они также несколько модных готовых сублимированных блюд для разнообразия и упрощения готовки, и в тот вечер решили поужинать «индейкой по-королевски». Поели с удовольствием, затем Винн растворил порошковый лимонад в бутылке с водой, его разлили по кружкам и добавили немного Джим Бима из пластиковой фляги. С принятием окончательного решения всегда становится легче, даже при отсутствии настоящего выбора.

Ни один из них не понимал, зачем блюдо назвали «индейка по-королевски». Винн утверждал, что название заимствовано из французского, в котором слово «для» звучит похоже на «по», а значит, это просто индейка для королей. Джек считал, что «по» это начало слова «пойманная», а значит для оригинального блюда годились лишь те индейки, которых короли ловили собственноручно. Он признался, что это был его любимый обед в Государственной Школе Грэнби.

Они разбили палатку в зарослях елей неподалеку от пляжа. Рыбачить не хотелось, хотя они заметили мальков, снующих на мелководье чайного цвета ручья. Они читали и курили свои трубки. Какой бы там ни был ветер, сейчас от него осталось лишь едва ощутимое дуновение. Небо оставалось ясным и безоблачным. Последний луч солнца скользнул в посеребренное озеро, которое приняло его без ряби – так же, как и отражения первых звезд. Холодало быстро, и они знали, что грядут очередные заморозки.

Они развели костер, подкинули в него плавника и уселись поближе к теплу. Винн достал страницы, вырванные им из книги под названием «Правдивые истории Севера: призраки, ведьмы, духи медведей и вендиго». Ее написал в 1937-ом году антрополог-любитель, которого звали Спенсер Алебардос Рэйцар. Джек любил подтрунивать над именем автора, приговаривая: «Я съем эту главу, если в свидетельстве о рождении сукиного сына так и написано», и над привычкой Винна растаскивать книги на части для своих поездок: «Тебя, должно быть, растила чертовски более высокая гора книг, чем меня. Почему же ты не дашь им наконец пожить собственной жизнью?» – но он все равно робко спросил, сможет ли пролистать отрывок, когда Винн с ним закончит. Просохшие дрова горели ярко, Винн повернулся боком на бревне, которое они приспособили для отдыха, и взглянул на первую страницу.

– Как я и говорил, тут есть отдельная глава о деревне Вапак. О какой-то темной истории, что приключилась там, наверху.

– Да ну? – Джек пытался изобразить безразличие, но поневоле выпрямился. Мало что он любил больше, чем хорошие мрачные рассказы.

– Целая череда убийств в двадцатые годы. Деревню посещал изможденный, бледный гигантский дух, вселялся в людей и превращал их в каннибалов. Его звали вендиго⁹. И всякий раз, когда старейшинам казалось, что кто-то из жителей одержим вендиго, его расстреливали или душили, пока он не сожрал своих родных и близких. Такой вот упреждающий удар.

– И сколько жертв?

Винн еще немного повертелся, чтобы свет от огня падал прямо на текст.

– Девять. В деревне, где проживает, ну максимум, человек двести.

– Охренеть.

– Не то слово.

– Может, это был просто оголодавший белый медведь.

⁹ *Вендиго* – сверхъестественное чудовище алгонкинских племен (в частности индейцев кри; на их языке это означает «зло, которое пожирает»).

– Может, – согласился Винн. Джек слегка напоминал ему ребенка, отчаянно нуждающегося хоть в каком-то объяснении.

– Ну знаешь, один из тех, что любят ходить на двух ногах.

– Хм.

– Или, допустим, у тюленей выдался трудный год, – продолжал строить предположения Джек.

– Вполне допустимо. Говорят, деревенские чувствовали себя проклятыми вдвойне, поскольку теплые течения два года подряд скверно сказывались на рыбной ловле.

– Ладно, ну и что, мать его, по-твоему это было? – уже второй раз за день Джек почувствовал, как по его коже скользнули мурашки.

– Голодный дух.

– Да иди ты!.

Костер превратился в тлеющие угли, они давно перестали чувствовать запах пожара с северо-запада; казалось, его больше не существовало в природе. Должно быть, ветер сменил направление на противоположное. Они не обсуждали это, но время от времени то один, то другой оглядывались на озеро и раздували ноздри, точно олень или лось, почуявшие хищника.

Через час после того, как стемнело окончательно, они отправились спать; дверь в палатку оставили расстегнутой и закрепили так, чтобы видеть звезды и северное сияние, если те решат затянуть свою беззвучную песню. Оставили только сетку, на которой оседал иней. Позже Джек перетащил свою подстилку и спальный мешок на вымощенный булыжником пляж и уснул под пульсирующей аркой Млечного Пути. На изморозь ему было плевать, она оседала на мешке, достаточно было встряхнуть его утром. Давешний мороз позаботился о комарах. Винн слышал перестук камней, когда Джек выбрался наружу; он прислушивался к слабой пульсации, издаваемой медленным ручьем. Он вспомнил стихотворение Мервина о сумерках, которое так полюбилось ему когда-то. Мервин описывает уход солнца, которое больше ни во что не верит, и то, как он слышит бегущий за ним вслед ручей: *в этот долгий путь он захватил с собой флейту*.

Это натурально убило его. Одинокое и единственное солнце без веры во что-либо, и маленький ручеек, переполненный верой во все подряд, даже в музыку. Что ему нравилось в поэзии, так это возможность за несколько секунд рассказать историю, на которую у романа уйдет несколько дней. Картины и скульптуры обладали таким же эффектом. Но время от времени всем хочется чего-то, на что уходят целые дни.

Джек долго лежал без сна, а когда наконец уснул, ему приснилась его мать и утро на реке Энкаммент. Один и тот же сон повторялся несколько раз в год. В нем они разбивали лагерь в парке Хорспу, на лугу под маленьким мостом, точно так же, как было и в реальной жизни. Всего лишь втроем – его отец, он и его мать – как прежде, и отец выезжал со стоянки верхом на Дэнди, своей любимой охотничьей лошади, и вел под уздцы Биджей, каурюю кобылу земляничного цвета; она была наполовину арабской, ее признали слишком нервной для верховой езды и всегда использовали как вьючную. Вполне в ее стиле было встать на дыбы перед бурундуком или перепрыгнуть веточку валежника так, будто это барьер с двумя перекладинами.

Тропа упиралась в ельник вдоль правого берега реки. В конце июня река все еще бурлила от таяния снега. На самом деле это был просто большой быстрый ручей, он впадал в узкий тенистый каньон, густо поросший елями и соснами. Тропа поднималась прочь от грохочущих порогов. Мать ехала впереди него на Минди, милой ширококостной кобыле, а он следовал за ней верхом на Герцогге, своем молодом сером жеребце. Во сне, как и в то утро, он настоял на том, чтобы прикрывать тыл, и это заставляло его чувствовать себя более взрослым. Как и наяву, они не торопились. Тропа была узкой, каменистой и шла вдоль крутого склона. Отец напевал, когда ехал верхом. Пятьюдесятью футами ниже река впадала в узкое ущелье с отвесными стенами и исчезала, круто загибаясь вправо. Белая вода ревела, как реактивный двига-

тель, и окутывала деревья туманом. Его сердце бешено колотилось, и ему это нравилось. Отец, шедший впереди, добрался до невысокой наклонной плиты из скальной породы и повел по ней Дэнди. Джек услышал скрежещущий стук подков, увидел, как БиДжей вскинула голову, опустила нос и фыркнула, разобрал звон колец и изящный перестук ее шагов, а затем его мать подтолкнула медлительную Минди.

«Хорошая девочка, ну просто очаровательная девочка».

В точности как наяву, что-то впереди напугало БиДжей, она отступила и натянула поводья, а его отец, который держал линию, крикнул: «Ох, девочка! Полегче!». Минди отшатнулась назад, прямо на скользкую плиту, и ее заднее копыто соскользнуло. Задняя левая нога, Джек увидел ее прямо под собой, подкованное копыто съехало с тропы, попыталось зацепиться, его мать закричала: «Эй, девочка!» – зад лошади соскользнул, теперь только передние копыта царапали мшистую кромку плиты, и – он видел все это словно в замедленной съемке, истерику лошади, то, как мать склоняется над ее гривой в попытке спастись, но она теряет равновесие, взбрыкивает задними ногами, и кричит, опрокидываясь назад. Не его мать, кобыла. Крик, похожий на вопль до смерти перепуганного человека. Он видел, как они врезались в большую ель, как их отбросило в разные стороны, мать все еще сжимала поводья, шляпа слетела с ее головы и кувыркалась, как подстреленная птица, на мгновение все как будто застыло, а затем они вместе врезались в белый поток. Каким-то чудесным образом они всплыли, мать держалась над водой, ухватившись за седло, затем их перекинуло через то, что, должно быть, когда-то было уступом, но теперь стало горбом набегающей волны, низвергающейся в желоб грохочущего потока, они исчезли, потом один раз появились – сначала темная голова кобылы, затем рука матери, а потом их швырнуло об стену и увлекло за поворот. Отец, как только обрел способность говорить, крикнул: «Стой!», затем дико оглянулся и заорал: «Ты сможешь удержать его? *Сможешь?*», Джек безмолвно кивнул, тогда его отец отпустил вычную лошадь, пришпорил Дэнди и понесся вниз по тропе безумными прыжками. Он исчез. В реальной жизни они оба исчезли. БиДжей вприпрыжку побежала за отцом, волоча поводья. Джек остался. Он натянул поводья дрожащего мерина, они оба дрожали, но оставались на месте. Он делал все, чего бы ни потребовал его отец. Он любил ее больше всего на свете. Ему было одиннадцать.

Но во сне ее шляпка сама по себе расправила крылья и перелетела на другую сторону каньона, поймав солнечный свет, как закладывающий вираж ястреб, а мать с Минди зависли в воздухе вместо того, чтобы падать в белый поток, потому что тоже научились летать, в этом не было сомнений; когда он проснулся под поздними звездами, где-то вдалеке пронзительно и одиноко кричала гагара, подкладка его куртки оказалась мокрой, и он понял, что снова плакал.

* * *

Джек вскочил еще до восхода солнца, стряхнул с себя усыпанный инеем спальный мешок, подняв облако снежинок, которые поплыли по воздуху стайкой ледяных бабочек-однодневок. Он разжигал огонь и варил кофе, пока Винн спал или читал. Ничего на свете ему не нравилось больше, чем просыпаться первым, колоть растопку для костра и делать кофе.

Озеро хранило неподвижность, бледный полумесяц садился над кромкой деревьев. Он разыскал жестянку с табаком в кармане рубашки и втянул первую за день порцию, сидя на бревне и наблюдая за разгорающимся пламенем, что облизывало коряги. Об этом сне он старался не думать. За исключением того, что кобыла Минди, похоже, и впрямь научилась летать наяву и избежала верной смерти, поскольку в то же утро разведывавший новую тропу для июльских клиентов рыболовный гид видел, как она выбралась на правый берег, вся дрожащая и с дикими глазами. С ног до головы в порезах и синяках, с глубокой раной на правом боку и растяжением связок, но в остальном совершенно целая. Она полностью оправилась, но никогда в жизни больше не позволяла водить себя по речным переправам. Мать оказалась менее

удачлива. Он остановил эту мысль. Посмотрел на воду, несущую розовые и серые отблески рассвета. Ладно. Немногим людям повезло умереть в самом расцвете сил, получив признательность за все заключенное в них добро. Пусть все остается, как есть, подумал он. Не худший расклад из возможных.

Рыбы наловить они не удосужились, поэтому он смешал немного яичного порошка с кусочками чеддера, смазал маслом сковороду с длинной ручкой, а затем принялся бросать камни в палатку и развлекался этим до тех пор, пока Винн со стоном не поднялся.

Глава вторая

Этим утром каное шло гладко, как по маслу. Снова на север, к верховьям озера, где брала свое начало река. Они позволили своим взглядам блуждать по берегу в поисках цветных палаток или шатров, силуэтов лодок на пляже, но разглядели только еще больше вкраплений желтого в кронах деревьев и скопление оранжевых рудбекий у их корней. Они наблюдали полет стаи гусей над северной оконечностью озера, птицы выстроились в клин только наполовину, их неровная фаланга изгибалась и выпрямлялась, строй выравнивался на лету. Издалека донесся лай. Джек подумал о том, как часто природа бывает несовершенна, а также озадачена и сбита с толку. Однажды, проезжая на Герцоге сквозь заросший шалфеем луг, он налетел на золотого орла, только что полакомившегося луговой собачкой; огромная птица подпрыгнула и попыталась взлететь, но плотный обед чересчур отягощал ее. Она развернулась, горделиво выпрямилась и свирепо уставилась на всадника, ожидая своей участи, но дождалась лишь унижительного смеха Джека.

Все утро пожар снова ничем не напоминал о себе, и они задались вопросом, не утих ли он как-нибудь сам собой из-за ранних заморозков. Это позволило бы им расслабиться.

– Поглядеть бы, что там, – сказал Джек, – Разведать обстановку, прежде чем мы окажемся на реке.

– Ага, стоило бы.

– Как тебе идея причалить и забраться на какое-нибудь дерево, или вроде того?

– Полезешь ты.

– Да не вопрос, – согласился Джек.

Они пристали к берегу с западной стороны разреза, обозначающего исток реки. Лиственницы частично затеняли узкие скальные гряды, сквозь камень пророс жесткий коровяк, сейчас уже высохший, его высокие стебли отец Джека обычно звал ковбойскими подсвечниками. В солнечных лучах порхали белые мотыльки и оседали на окаймляющих пляж астрах. Ребята вскарабкались по заросшей деревьями морене и выбрали для своих целей высокую, прямую бальзамическую пихту. Винн переплел пальцы и посадил Джека до нижней ветки.

Для его веса она была в самый раз, он ухватился за нее поближе к стволу, потянулся к следующей и начал восхождение. Иглы осыпались вниз вперемешку с его проклятиями. Не то чтобы ему мешали ободранные ладони или липнущие к лицу и рукам пузырьки смолы, просто ругаться во время подъема было приятно, это задавало движению определенный ритм. Само собой, обоим волновала перспектива того, что необъятный пожар уже мог превратиться в струйки белого дыма, последние вздохи умирающей катастрофы. Джек обвил ногами истончившийся ствол со сноровкой наездника в седле брыкающегося пони. Он закрыл лицо предплечьями, просунул голову сквозь ароматную хвою и взглянул на северо-запад. Уже готовое слететь с его губ радостное проклятие застряло костью в горле.

– Ну? – спросил Винн, не дождавшись победных воплей, – Как оно там?

Тишина.

– Ты в порядке?

– Не особенно.

– Что случилось? Тебе смола в глаз попала? – но он достаточно хорошо знал Джека, чтобы понимать, смола здесь не при чем, – Там все настолько плохо?

– Я не знаю, уместно ли здесь слово «плохо», здоровяк. Погоди минутку.

От Джека порой можно было услышать нечто в этом роде. *Дайте мне минутку*. Например, когда он правил кормовым веслом в обход опасных порогов. Он использовал эту фразу, если его переполняли эмоции, например в пабе в Лейк-Плэсид несколько недель назад, когда особо крупный незамутненный детина в рубашке от Ральфа Лорена застал его беседующим со

своей женой. Джек понятия не имел, чья она там жена, но у него был безотказный радар для распознавания придурков, и он прямо вопил о приближении очередного. Кольца девчонка не носила и выглядела очень заинтересованной в общении. С чувством юмора у того человека явно отношений не было, и радар Джека взвыл сиреной. Он встал, намереваясь предоставить их самим себе, но мужчина хлопнул его по плечу и спросил:

– Эй, чувак, ты правда думаешь, что можешь вот так пристраиваться, если парень отошел в туалет, и отползает, как только он вернется?

Джек поставил на стол бокал красного лагера «Каноэ» и попросил дать ему минутку. Мужчина очень смутился, потому что Джек действительно задумался – он на полном серьезе взвешивал варианты, решая, что же ему делать. Затем он кончил взвешивать и отделал того мужика. Позже в машине Винн со смехом перефразировал Уильямса:

*«Столь многое зависит
От
Бокала красного
Каноэ
В глазури от пивной
Пены,
Когда поблизости белый
Петух»*

И вот теперь, когда Джек снова произнес свое «дай мне минутку», Винн почувствовал, как все его внутренности сжались.

– Тебе когда-нибудь казалось, что ты просто спишь и видишь всратый сон? – наконец подал голос Джек.

– Ну типа, всегда, когда я зависаю с тобой?

– Знаешь, будь ты здесь, наверху, шутить бы в момент передумал.

– Настолько плохо?

– Ну, – Джек раздраженно сплюнул вниз, по другую сторону дерева от Винна, поплотнее уперся ногами в ветку, – Шлейф дыма движется прямо на юг. Может, самую малость забирая к востоку. Почему-...

– Почему им не пахнет?

– Да, и на самом деле это даже не шлейф, здоровяк. Я бы предложил тебе залезть сюда и взглянуть самому, но какая польза от того, что кошмары будут сниться нам обоим?

– Мне тоже так кажется.

– Это хреново облако дыма. Похоже на здоровенную грозовую тучу. И оно приближается. Может, уже на четверть или треть ближе, чем было той ночью. Я даже вижу гребаное пламя. Такая оторочка перед сплошной дымовой стеной.

– Сколько до него, по-твоему?

Тишина.

– Джек, сколько до него?

– Не знаю. Может, миль двадцать¹⁰.

Молчание.

– Той ночью мы насчитали примерно двадцать пять или тридцать, – сказал Винн, – Выходит, за пару дней он продвинулся миль на пять-десять.

– Ага, вроде того.

– Холодает.

¹⁰ Примерно 32 км.

– Подожди.

Он начал спускаться, переползая с ветки на ветку, добравшись до нижней оттолкнулся от ствола и прыгнул с высоты в пять футов на усыпанный хрустящими иголками настил.

– Так о чем ты?

– Я говорю, быстро холодает. Может, это замедлит пламя.

– Да, возможно, – Джек отряхивал рубашку от кусочков коры. Согласился он не слишком убедительно. Он поднял глаза, в упор глядя на своего друга, – Знаешь, мне доводилось видеть несколько лесных пожаров, Винн...

Винн содрогнулся. Джек практически никогда не звал его по имени. Для него это было предвестником серьезного, грандиозного дерьма, как когда мать затыгивала угрожающе: «Винн Питер Брелсфорд...» Ничего хорошего это не сулило. Он терпеливо подсказал:

– Ты видел много лесных пожаров *и?*..

– А, ну да. Тут у нас самый здоровенный ублюдок из всех, что я видел. Как амбар для сена, выросший в миллион раз.

– Дней через восемь или десять река станет шире. По крайней мере на сотню ярдов. Ну, я предполагаю.

Джек приподнял бровь, достал из кармана рубашки жестянку с табаком и предложил угоститься Винну. Тот отрицательно покачал головой.

– Эта хрень, – выразительно начал Джек, и затынулся табаком, прижав банку к нижней губе, – Даже не заметит. Она перемахнет реку с легкостью полуприцепа, столкнувшегося с бурундуком.

– Да, но если мы будем держаться на середине реки...

Джек пожал плечами.

– Всякое бывает. Знаешь, воздух перегревается. Так возникает штука под названием огненный шторм. Клубы дыма на самом деле являются скоплением газа, и если ветер будет попутным, а он воспламенится, то вспышка испечет все на расстоянии в четверть мили.

– Но становится холоднее, верно?

Джек тяжело вздохнул.

– Но нам-то холод не на руку, а? Когда начнутся пороги, я имею в виду. И снег тоже. В самом деле, забавно.

– Ничего смешного не вижу.

– Мне интересно, что случилось с теми людьми.

* * *

Они вернулись к лодке. В молчании застегивали спасательные жилеты и проверяли надежность поясных ремней. Их использовали, чтобы сплавляться по бегущей воде. Легкие, облегчающие спасательные жилеты для гребли. На озерах они обходились без страховки, исключая дни сильного шторма, но теперь надели их. Даже при равномерно быстром течении резкий поворот мог опрокинуть каноэ. Оба думали о том, что через десять минут жребий будет брошен. Каноэ войдет в течение и отправится вниз по реке, а вероятность найти ту парочку, кем бы они ни были, и вызвать транспорт с их спутникового телефона исчезнет. Сейчас почти все брали с собой телефон. Кроме таких, как они. Кроме упрямец, ностальгирующих по эпохе настоящих путешествий. И один, и второй погрузились в молчание. Они приняли свое решение, свою нерешительность; другого выхода не было. Только грести усерднее, чем когда-либо раньше, и совершать более продолжительные переходы. Добраться до Вапака так быстро, как только получится. Попытаться перегнать огонь.

Все так же не произнося ни слова, Винн прошел на корму, вытащил ремни и принялся закреплять бочки с едой и одеждой. Пристегнул и запасной спасательный жилет. На некото-

рых реках он бывал не лишним, и это вошло в привычку. Он продел ремень через водонепроницаемый мягкий чехол карабина и туго затянул его, прямо под кормой, с правой стороны. Убедился, что раскрывающиеся чехол застежки в полном порядке и легко поддаются. Без какой-либо особой на то причины. Просто чувствовал себя лучше, зная, что всегда может быстро схватиться за ружье.

Карабин взяли с собой, чтобы стрелять оленей карибу и иметь возможность защититься от медведей в окрестностях залива. Раньше в этом не было необходимости, но зимы становились теплее, и все изменилось. Устоявшийся график затвердевания льдов настигли перемены, что продлило скудный летний сезон белых медведей; люди стали замечать их ранней осенью, голод заставлял животных брести вверх по реке в поисках пищи, иногда преодолевая по пятьдесят и даже шестьдесят миль¹¹. Некоторые из них были близки к истощению и ели все, что двигалось. Встречались в окрестностях также волки и черные медведи, хотя ни тех, ни других Джек и Винн не воспринимали в качестве серьезной проблемы. Настоящая и невысказанная причина наличия при себе оружия заключалась в том, что ни один, ни другой не чувствовали себя комфортно в длительном путешествии посреди северной глухомани без такового.

¹¹ 80–96 км.

Глава третья

После смерти матери Джека его отец, Шейн, надолго перестал разговаривать. Не то чтобы Джек многое упустил – тот был немногословен, в отличие от своего брата, Ллойда, с соседнего ранчо, который мог бы заболтать до полусмерти и кору с дерева. Несколькими годами позже, когда к отцу вернулся голос, он рассказывал Джеку истории о дяде Ллойде, и всякий раз, когда им случалось проводить время вместе, Джек наглядно убеждался в том, насколько сильно отец к нему привязан. Шейн говорил Джеку, что в детстве болтливость брата его нисколько не задевала, напротив, вызывала восхищение. Они были «ирландскими близнецами», с разницей в одиннадцать месяцев; из слов Шейна можно было заключить, что нередко в кругу общих знакомых ему доводилось слушать увлеченные рассказы Ллойда, которые, как он знал, были сильно приукрашены. Ллойд мог живописать восхождение на Дэвилс-Тамб с их двоюродным братом Зейном, произнося нараспев что-нибудь вроде:

– Ну, Зейн, вы же знаете, какой он долговязый сукин сын, в старшей школе он так быстро вымахал, что приходилось карабкаться ему на спину в поисках места для таблички «задница»...

Все смеялись.

– И вот он едет впереди меня по тропе, оборачивается, чтобы сообщить какую-то хрень, втемяшивается в ветку тополя и вылетает из седла. Может, он и не слишком умный, зато быстрый, как выскакивающая из сапога змея, ухватился за ту ветку и висел на ней, извиваясь, пока я просто не проехал под ним и не подхватил его в седло. И вот мы значит едем вместе, как молодожены, он цепляется за шею Ширли, я обнимаю его за талию и говорю: «Ну, милая, здесь довольно уютно, как тебе этот седельный рожок на ощупь?..»

Снова смех.

Шейн знал, что взаправду дела обстояли не совсем так, но версия Ллойда моменту подобра была больше, да и звучала веселее. Одна подмеченная в дядиной манере рассказывать истории вещь особенно нравилась Джеку: Ллойд никогда не преувеличивал детали, касающиеся охоты или рыбалки. Рыба у него никогда не становилась крупнее, а рога лося-самца – шире в размахе. Дюймы, футы, мили, погода – все в его изложении оставалось на удивление точным. Шейн говорил, что по мнению Ллойда всякий хороший рассказчик должен был точно знать, где ложь окажется неуместной.

– Охота и рыбалка сами по себе такие забавные, – говорил он, – Только полному придурку придет в голову что-то про них выдумывать.

И такова, по наблюдениям Джека, была вся история взаимоотношений Ллойда с его отцом – раздел ранчо после смерти родителей, распределение аренды, помощь друг другу в сезон отела скота, отлаживание систем орошения – Шейн доверял своему брату больше, чем кому бы то ни было. Джек знал, что одним своим существованием Ллойд делает жизнь веселее, для него это было так просто, и в то же время он никогда не валял дурака, сталкиваясь с ее убийственно серьезной стороной. Это был человек, с которым можно сплавляться по реке.

Отец Джека, вероятно, онемел из-за того, что чувствовал за собой вину в случившемся, но Джек склонен был считать себя виноватым не меньше. В то утро он настоял на том, чтобы замыкать колонну, как взрослый. Он никогда не делал этого раньше. Его серый жеребец, Герцог, был гораздо более спортивным, чем милая и неуклюжая Минди – окажись он позади отца в момент, когда БиДжей заартачилась, Герцог удержался бы на ногах. Он виноват в том, что захотел казаться старше, чем был на самом деле. Охренительно виноват. По правде говоря, к одиннадцати он и без того уже был довольно скромным по натуре ребенком, а несчастный случай только усилил его нежелание привлекать к себе внимание и выделяться. Ему нравилось хорошо справляться со своей работой – как его наставляли отец и мать; самым важным они

почитали относиться к животным и людям порядочно и уважительно, но так, чтобы не обращать на это внимание большого количества людей. Какую пользу, в конце концов, может принести хвастовство? Джек обзавелся несколькими хорошими друзьями, которые его уважали и ради него готовы были на все. Чего ради стараться впечатлить еще кого-то?

Когда пришел конверт с извещением о том, что его приняли в Дартмут, отец не улюлюкал и не закатил в его честь праздничный ужин в таверне «Табернаш»; он только взглянул на него со странным выражением, отчасти печальным, отчасти гордым, и проговорил: «Твоя мать запрыгнула бы на Луну от счастья». Запрыгнула на Луну от счастья. Она запрыгнула на Луну от счастья. Практически так он и думал о ней все последние несколько лет. Когда холодной ночью останавливался на полпути до конюшни и стоял на замерзшем дворе, наблюдая, как восходит над Овечьей горой луна, он иногда шептал: «Привет, мам». Понятия не имел зачем, просто казалось, что если где-то она все еще есть, то уж непременно там. Может дело в том, что его любимой детской книгой было «*Спокойной ночи, Луна*»¹². Мать читала ее вслух снова и снова, а когда она утонула, Джек стал хранить потрепанный экземпляр на маленькой полочке в изголовье своей кровати, иногда листая его перед сном и трогая потертые уголки.

И именно в книгах он находил утешение. Он погружался в них, когда не был занят на ранчо, не катался верхом и не рыбачил. Командные виды спорта его не привлекали – соревнующиеся напоминали ему кучку выпендривающихся детей, свое пристрастие к литературе он держал при себе. Даже учителя не ведали о глубинах его возрастающей эрудиции, но школьная библиотекаря знала, и еще Энни Босворт в Публичной Библиотеке Грэнби. Они знали. Им также было известно про его безотчетную скромность и застенчивость, поэтому они поощряли его наставлениями, но никогда не акцентировали внимания на его необычайной жадности до новых книг или пестроте ассортимента. Они просто оставляли его посреди книг.

Этим они с Винном были похожи – литературным взглядом на мир. Или, по крайней мере, любовью к книгам, поэзии, художественной литературе и отчетам об экспедициях. Винн специализировался на искусстве и прослушал множество курсов сравнительного литературоведения, в особенности французского. Джек был инженером и превосходно понимал язык математики, но на остальных курсах хватался за все, что имело отношение к поэзии или романам, и с самого начала особенно обожал американскую литературу. Они познакомились еще до начала учебы – во время ознакомительной поездки для первокурсников, четырехдневного пешего похода по Белым Горам. Вдвоем они опередили группу и всю дорогу без остановки разговаривали о каное, реках и скалолазании, а также о том, как Торо стирал белье на берегу пруда во владениях Эмерсона, и о том, каким ужасным пьяницей и бабником был Фолкнер, и можно ли считать «Весну и все такое» столь же хорошей и важной, как «Пустошь». Джек был поражен. Ему никогда не доводилось вести подобных бесед с другим ребенком, он и представить не мог, что кто-то из его ровесников способен любить читать столь же сильно – в особенности такой парень, который держался вполне себе уверенно посреди дикого леса. С первого же дня знакомства они стали лучшими друзьями, и чем бы впоследствии ни занимались, никогда не прекращали надолго обмениваться впечатлениями о книгах.

Одной из тем, которую они долго обсуждали в том самом первом походе, было творчество Луиса Л'Амура¹³. Едва обнаружив друг в друге заядлых читателей и преодолев свою застенчивость по этому поводу, они принялись перечислять авторов и названия книг, рассуждать, что в них было хорошо, а что плохо, делиться тем, что им нравилось. Дискуссия захватывала дух, и не только потому что они тащили задницы вниз по северному склону горы Мэдисон. В конце концов оба с облегчением поняли, что не имеют дела с литературным снобизмом.

¹² «*Спокойной ночи, Луна*» – американская детская книга, написанная Маргарет Вайз Браун и проиллюстрированная Клементом Хёрдом.

¹³ Луис Л'Амур – один из самых известных романистов в жанре вестерна.

Классические произведения и столпы литературы это одно, но иногда и дрянные ни на что не претендующие байки столь же хороши. Ну или хотя бы забавны. Эта схожесть мнений позволила им признать, что оба прочли, вероятно, все дошедшие до современников криминальные вестерны Луиса Л'Амура, даже те, которые таинственным образом появились спустя годы после его смерти. Винн читал его рассказы, потому что осинового леса, полынные луга и песчаные каньоны Запада в них были именно такими экзотическими и заманчивыми, как он себе и представлял. Еще потому, что герои скакали верхом по этим изумительным ландшафтам, плескались в обледеневших ручьях, пробирались сквозь стада лосей и успокаивали своих дрожащих лошадей, когда те чуяли запах льва или кровавый след его добычи. Герои разбивали свои лагеря в папоротниках у ручьев, сбегаящих с заснеженных вершин, и растирали своих лошадей половинками пырея, а костры разводили маленькие и «бездымные», чтобы не насторожить врагов. Джек зачитывался ими, потому что все в них выглядело знакомым, но блестящим и облагороженным, похожим скорее не на ту жизнь, которую он знал, а на то, каким все должно быть. В особенности те части, где речь шла об убийстве всех плохих парней и заполучении девушки.

В тот день они так много разговаривали и так быстро шли, не замечая тяжести своих рюкзаков, что опередили группу на несколько миль. Добравшись до ручья, они расстегнули поясные ремни, сняли с плеч рюкзаки и прислонили их к стеблям болиголова. В бутылке Винна был фильтр, они налили туда холодной воды из ручья, выпили все и заполнили ее снова.

– Взгляни, – указал Винн, – Эта штука немного освежает.

Он склонился над корнями бальзамической пихты, вокруг которых росла похожая на клевер кислица. Нарвав пучок, он протянул половину Джеку, скомкал, что осталось, закинул в рот. И тут же сморщился. Джек, поколебавшись, последовал его примеру.

– Кислятина, – прокомментировал он.

– Вроде как должно утолять жажду.

– Похоже на то.

Они сидели на замшелых валунах, любясь низким водопадом, который низвергался в наполненный пузырьками темный бассейн. Джек никогда раньше не бывал в смешанных лиственных лесах Востока, однако, хоть они и были ему чужды, он чувствовал себя в них комфортно. Ритм горных хребтов и ручьев был другим, более мягким, с меньшим рельефом на подъемах и спусках, без скал, и более защищенным от ветра – густые леса покрывали долины и доходили почти до вершин гор – но как только он пообвыкся, ему здесь понравилось. Небольшая клаустрофобия, но и она вскоре пройдет.

– Там палии, да? – заметил Джек.

– Будь у нас крючок, мы, может, сумели бы поймать их на кусок рубашки. Точнее, того клетчатого пледа, что на тебе надет.

– Лови на свою.

Джек рассмеялся, достал пачку со смесью орехов, изюма и M amp;M's, вскрыл ее и протянул Винну.

– Терпеть не могу людей, которые съедают

M amp;M's и оставляют все остальное, – проникновенно сказал тот.

– Это именно то, чего тебе хочется, а я угощаю.

Они взглянули друг на друга и рассмеялись.

Так они обнаружили, что, ко всему прочему, оба любят рыбалку. Совпадение, снова. Они решили развести небольшой костер и вскипятить воды для чая. Почему бы и нет? К тому моменту, как остальная часть маленькой группы догнала их, оба растянулись у тлеющих углей, попивая горячий Липтон из пластиковых стаканчиков. Руководитель похода, еще совсем молодой, только головой покачал. Так у них начала появляться определенная репутация.

* * *

Теперь, когда они застегнули свои спасательные жилеты, спустили каноэ на воду и запрыгнули в него; когда гребли к середине бухты, что сужалась к северу, наполнялась течением и превращалась в широкую V, все набирающую скорость и скользящую вниз между зарослями елей; когда посмотрели вперед, увидели линию горизонта, обозначающую первый порог, зарылись носом в воду и изо всех сил гребли к правому берегу – когда они действительно начали плыть по реке, они не думали ни о чем, кроме того, как бы попасть в широкую воронку бассейна вдоль правого берега, чтобы разведать водопады. Однако все прочитанные ими истории о реках ярко пылали в воображении, что немало прибавляло энергии и упорства, поскольку по крайней мере у половины этих историй не было счастливого конца.

Глава четвертая

Спускающееся под уклон течение, увлекавшее их в рябь низких волн, выровнялось, и они оказались между низкими берегами, поросшими лиственницей и соснами, с вкраплениями расставленных в шахматном порядке белых стволов берез – не то указателей, не то маркеров, сигнализирующих о чем-то непостижимом. Справа промелькнуло наполовину погруженное в воду упавшее бревно, его черная голова качалась в потоке безжизненно и размеренно, как у мертвеца. Джек поспешно отвел взгляд. Чрезмерная осторожность вынуждала их продолжать держаться правого берега. По реке сплавлялись неоднократно и очень подробно описали все подводные камни, но делалось это не каждый год, и никто в Пикл Лейк не слышал, чтобы нынешним летом какая-нибудь группа взяла на себя труд обновить информацию о маршруте. Самыми важными из предстоящих им задач были, пожалуй, обязательные пешие переходы и аккуратное преодоление порогов. Порой участки берега, к которым требовалось причалить, оказывались совсем крохотными и располагались прямо над кромкой водопада. Пространство реки могло разительно меняться из года в год, зачастую так и происходило, и по возможности следовало заранее подмечать такие вещи как упавшее дерево, блокирующее путь к нужной бухте, или эрозия почвы, размывшая пляж в месте высадки. Если вовремя заметить и обойти помеху не удастся, реагировать придется быстро, и полезно для таких случаев держать в голове какой-нибудь запасной план. На одной из рек штата Мэн Джек вынужден был прыгать в воду, предварительно обмотавшись тросом от каноэ, и цепляться за торчащую у берега корягу, чтобы их не смыло в водопад. Отчаянные, опасные и глупые крайние меры, к которым им не хотелось бы прибегать снова.

Полдень вступил в свои права. Высокие облака рядами наплывали с севера и рассеивали солнечный свет над лесами и водой. Пара зеленокрылых уток молниеносно развернулась над рекой, резко окунулась в течение и некоторое время дрейфовала впереди них. На глаза попался не то самец, не то самка белоголового орлана, птица дважды тяжело взмахнула огромными крыльями, прежде чем приземлиться на верхушку мертвого дерева. Винн обратил внимание на изменившиеся запахи – так пахла река, движущаяся вода несла в себе более холодный и чистый аромат, чем озерная, он жадно втянул его в легкие, откуда эта свежесть, казалось, распространилась по всем капиллярам его тела, и почувствовал себя счастливым. Неспешное скольжение по озеру – это здорово, но пребывать в потоке течения было как-то особенно приятно. Из этих соображений он выбрал для себя любимый способ ловить рыбу: он доставал свою лучшую удочку на четыре грузила, становился посреди ручья и чувствовал, как поток давит на колени, как ритм и естественные законы пешеходной жизни теряют свою силу, на него без промедления накатывал необыкновенный душевный подъем. Так повелось еще с тех пор, когда он был ребенком. Джек тоже был несколько взбудоражен. После гибели матери на той злополучной прогулке ему пришлось заставлять себя вновь ловить рыбу и сплавляться по течению. Давалось это нелегко, но он справился, и через некоторое время смог мысленно разграничивать в своем сознании одну конкретную реку и все остальные.

Им было известно о приближении очередного водопада, о том, что тропа для волока каноэ начинается сразу за широкой излучиной, они без каких-либо проблем свернули в положенном месте, легко обнаружили плоский гравийный пляж и темную просеку тропы среди ив, сокрытый в бассейне водоворот деликатно направил их в сторону берега, и они вышли прямо на гладкие камни.

* * *

К полудню они преодолели уже достаточно миль, могли пройти и больше, следуя тропой для волока, однако почему-то никому из них не хотелось оставлять озера позади так поспешно. Было решено остановиться на привал. Каждый из них притащил по две бочки на поляну, венчавшую скалистый утес с видом на обрыв – в одной походное снаряжение и одежда, в другой еда и кухонная утварь. Четыре компактных синих бочонка. Там была старая бревенчатая хижина, совсем крохотная, построенная, вероятно, для охоты кем-то из индейцев племени кри или путешественников, приплывших на моторной лодке с цепочки озер. Отличное место, чтобы встать здесь лагерем на несколько недель. За исключением шума. Шум стоял такой, что приходилось практически кричать, чтобы быть услышанным.

– Вау! – заорал Джек, перекрикивая рев водопада, – Просто слушаешь этого сукиного сына, и сразу так и тянет отлить.

Рокот пульсировал и колотил по камням, если внимательно прислушиваться, то удавалось разобрать спешку несущейся к уступу воды, свист в промоине у самого его края и бурление пены далеко внизу. Тысячи безжалостно громких звуков.

– И не говори, – отозвался Винн, – Как, интересно, мы собираемся спать. Земля ходуном ходит.

– Как младенцы, потому что нам не нужно съезжать вниз по этой безумной хреновине.

Возможно, кто-нибудь и смог бы... сплавиться по этому кошмару. В байдарке. Шестая категория сложности¹⁴, как минимум, серия уступов, по которым извергается громадное количество воды. Как если бы Северное море в разгар шторма спустило вниз по лестнице. Трасса не меньше семидесяти футов в высоту и протяженностью по меньшей мере в одну восьмую мили. Единственный скалистый островок посередине, размерами не превышающий лодку, поддерживал над водой корявую и низкорослую ель. Он дрожал посреди хаоса, словно бельмо на глазу, и самим фактом своего существования только усложнял гипотетический спуск.

Солнце пробилось сквозь пелену облаков и осветило водопад, пронзило белоснежную воду, каким-то образом сделало все звуки более четкими, и Винн подумал, что это неописуемо красиво. Отвесные скальные хребты и лавина грохочущего потока были воистину прекрасны.

Там повсюду росла черника. Когда солнечный свет заливал хижину, почва вокруг нее нагревалась и начинала источать сладкий аромат плодов с оттенками багульника. Поляну сплошным ковром покрывала черника, и вся она была спелой. Да, конечно, на пятки им наступал пожар, да, продолжало стремительно холодать, но прямо сейчас окрестности казались дикими, изобильными и по большей части безопасными. Выпавший на их долю испуг и низменные страхи минувшего утра растаяли. Они вновь почувствовали себя в своей тарелке.

Они вернулись к каноэ, продираясь сквозь ольху и ивы, за непромокаемыми рюкзаками, спасательными жилетами, удочками и ружьем. Вышла достаточно короткая прогулка вокруг водопада, всего ярдов четырехста, или около того. Каноэ вытащили на берег и оставили так до утра. Легкую кевларовую лодку можно было без проблем взвалить на плечи и нести. У второго, таким образом, оказывались свободными руки. Широкая центральная часть была снабжена специальным хомутом для переноски. Они сложили пирамиду из бочек и рюкзаков на утесе, возвышающемся над стремниной. Затем просто сели, прислонившись к ней, и наслаждались согревающим их солнцем, что зависло над лесом по ту сторону реки. Через минуту оно скроется за новой чередой все прибывающих облаков. От них не укрылось, как резко похолодало в тени после полудня, но пока что они могли сидеть с закрытыми глазами, ничего не делая,

¹⁴ Бурные реки верхнего предела проходимости. Ошибки здесь могут стоить жизни. Чаще всего такие пороги остаются непокоренными.

и позволять солнцу греть их веки. До того момента, когда оно спустится за деревья, оставалось еще четыре или пять часов. Несколькими минутами позже они возьмутся за обустройство временного лагеря, а затем насобирают достаточно черники, чтобы хватило на пирог. На их версию черничного пирога, приготовленную на сковороде с бисквитом и коричневым сахаром.

– Не думал порыбачить? – спросил Винн, не открывая глаз, – Прямо над тем местом, где мы причалили, я заметил приличных размеров ручей.

– День жарки на сковороде, а? Пескари и пироги, – стоило Джеку закончить фразу, как она тут же показалась ему банальной, – И почему такая классная вещь звучит настолько убого?

– Профессор Полсон говорил, что аллитерация опасна в руках того, кто не умеет ей пользоваться.

– Так про что угодно можно сказать. Про сковородку, там, или про автомобильный домкрат.

Винн задумался.

– Полсон говорил, у эстетики есть правила: чем сильнее что-то приукрашиваешь, тем больше рискуешь подорвать его ценность. Его истинную ценность.

– Без понятия, что он под этим подразумевал, – Джек размахнулся и швырнул камешек с края обрыва, – Звучит как все те вещи, о которых обожают болтать профессора. Скорее всего, имелась в виду какая-нибудь аналогия с цветами, которые все свои силы вкладывают в яркие бутоны, а не в корни.

– Полагаю, что так.

– А если ценность уже есть, тогда что? Сильная и красивая женщина, допустим, наносит макияж. И что с того?

– Если она переборщит с ним, то рискует показаться вульгарной.

– Но на самом-то деле она не дешежка, верно? Она остается той, кем является.

Винн смерил своего приятеля пристальным взглядом. В его стиле было подвергать сомнению банальности, догмы, авторитет. Джек полагал, что большинство его преподавателей на самом деле зомби. Они помолчали, откинувшись на рюкзаки и нежась на солнце. Минутой позже Джек продолжил:

– В любом случае, что для этого чувака опасность? Неумелое использование аллитерации может быть опасным, так он сказал.

– Ага, верно, – не открывая глаз, Винн пошарил вокруг себя, пока его ладонь не нащупала удобную подстилку из теплого мха, – Такое же ощущение возникает, когда говорят, мол, тот или иной писатель сильно рискует. И что? Каковы последствия? Возможно, ему придется ткнуть в иконку «удалить» на своем ноутбуке.

– Мда, – сказал Джек, – Этим парням стоило бы почаще выходить на улицу, – он сел и выглянул за край невысокого утеса, – Сплавляться вниз по этому водопаду – рискованно. Или грести наперегонки с этим гребаным пожаром.

Он сразу же пожалел о сказанном. Передний край гряды облаков закрыл солнце, словно в знак сочувствия, и Джек ощутил, как его руки покрылись мурашками.

– Пойдем поужинаем, – предложил Винн.

Они проснулись от безделья. Стряхнули с себя летаргию, раскопали в пирамиде чехлы с удочками. Оба натянули легкие флисовые свитера и достали свои рыболовные наборы: маленькие поясные сумки, в которых помещались дождевики, пара коробков с приманкой для ловли нахлыстом¹⁵ – мушками и нимфами, поплавки, грузила и блесны, кусачки и щипцы. На этом все. По привычке оба таскали с собой складные ножи в карманах брюк. Зазубренные спасательные ножи в пластиковых чехлах, идущие в комплекте со спасательными жилетами, у них,

¹⁵ *Нахлыст* – это древний способ рыбной ловли, при котором, с помощью специализированного удилища и шнура приманка имитирует попавшее в воду насекомое.

конечно, тоже имелись, но складные ножи были при них постоянно, всегда, достать и раскрыть их оба смогли бы за долю секунды одной рукой. Они много практиковались, как стрелки тренируются вытаскивать оружие, и так часто занимались этим у костра, прокладывая маршрут, что давно перестали замечать за собой это. Очень полезный навык, если вы за что-нибудь зацепились, и вас тащит следом за сбежавшей лошадью или перевернувшейся лодкой. Отец Джека с малых лет внушал ему, как полезно иметь при себе нож; ему, Шейну, эта привычка однажды спасла жизнь, когда молодой необъезженный арабский скакун выкинул его из седла, а он запутался ногой в стремях. Он волочился за конем и непременно скончался бы от ударов об землю, не сумей вовремя изогнуться, обхватить свою ногу рукой и перерезать кожаный ремень.

Грохот несущейся через пороги воды казался менее угрожающим теперь, когда они пробыли в ней полчаса и убедились, что преодолеть ее напор им по силам. Они направлялись обратно к пляжу через кустарник.

Они вытащили складные удочки из четырех частей из специальных тубусов, развязали ленты, которыми они были связаны, и развернули мягкие тканевые чехлы. Они выдвинули тонкие секции. У Джека был Сейдж (в зеленом чехле), у Винна – Уинстон (в красном). Винн потер стык каждой заостренной секции о кончик носа, чтобы немного смазать их, прежде чем вставлять в пазы – трюк, которому научила его мать, не позволявший секциям слипаться, когда их раздвигаешь. Они с Джеком плотно скрепили части удилищ, вставили катушки в седла и примотали пропускные кольца. Продели в кольца леску и проверили поводки.

Тубусы оставили в каноэ, и Джек, удерживая конец поводка за пробковую ручку, наматывал провисшую леску до тех пор, пока она не натянулась на удилище. Он начал подниматься вдоль берега. Ручей протекал через верхний отрезок пляжа. Как и тот, что пересекал место их предыдущей стоянки, этот был медленным и окрашенным в густой чайный цвет от переизбытка торфа и танина. Осторожно приблизившись к воде, они заметили метнувшиеся в стороны тени. Палии. Что ж, отлично.

Рыбалка началась. Джек ловил на ручейника, обвязанного темной лосиной шерстью – ему казалось, сейчас не имело особого значения, что закидывать в воду, и прижал щипцами бородку крючка. Без нее было легче потерять рыбу, которой им вообще-то предстояло ужинать, но он все равно это сделал. Он продвинулся вверх по течению на двадцать ярдов, остановился у подножий первых больших деревьев и окунулся в сладкий еловый аромат. Он принялся забрасывать приманку в тихую заводь. Бассейн был затенен порослью тонкой темной травы, она, будто волосы, волнами стелилась по песчаному дну. Джек делал длинные забросы в глубокую тень, подсекал леску, и как только мушка коснулась воды в третий раз, рыба клюнула. Кончик удилища сильно изогнулся и заходил ходуном, а Джек громко рассмеялся, когда подтащил добычу к себе и увидел, что та была не больше его ладони. Несколько унций весьма грозного бойца. Он слегка подержал крохотную рыбку в неглубокой чайной воде у своих ног и восхитился замысловатыми морщинистыми зелеными узорами на ее макушке, вновь задаваясь вопросом, как естественный отбор мог такое начертать. Он легко снял маленький крючок. Форель дико дернулась в его руке и вырвалась на свободу. «Давай, иди!» – прошептал он. Посмотрел, как маленькая торпеда теряется в тени травы. Он почти всегда отпускал первую рыбу из дневного улова. Своего рода дань уважения.

Винн вброд дошел до мелководья в устье ручья. Река, не так давно покинувшая озеро, вымывала из берегов много ила и была слишком мутной для ловли рыбы нахлыстом, а вот ручей оставался чистым и темным. Только в этих боковых ручьях и стоило закидывать удочки. Он выбрал крошечную мушку-парашют, коротким броском отправил ее на середину едва ползущего ручья и мгновенно почувствовал отклик. Резкая подсечка подбросила крошечную ручьевую форель в воздух. Она была ненамного крупнее пескаря. Рыбка приземлилась в воду у его ног, он поднял ее, осторожно обхватил ладонью, извинился и вытащил крючок, тогда она встряхнулась, словно очнувшись от дурного сна, и унеслась прочь.

Рыбалка продолжалась. Они оба были очень хороши, но со стороны кто угодно запросто сумел бы отличить их друг от друга. Не только потому, что Винн был выше, крупнее и все время торчал в воде, но по их манере рыбачить: Джек делал свои забросы с небрежной грацией, как будто он едва следил за леской, собирал ее и снова выбрасывал, охватывая все более широкий круг, он двигался почти что с безразличием; петли у него всегда выходили чистые, но иногда пролетали чересчур низко над водой и как-то сбоку. Если случался неудачный заброс, он ненадолго прерывался, чтобы отряхнуть мушку от воды, и в следующий раз леска ложилась ровно, а мушка приземлялась легко и так же естественно, как настоящий жук. Если его запястье в последний момент сгибалось, направляя леску вверх по течению при сильном ветре, ему было все равно. Он ловил рыбу почти так же бессознательно, как ходил или дышал. Винн был совсем другим. Он подходил к вопросу более научно и думал обо всем. Он рассчитывал дрейф и знал, какую поправку на ветер следует сделать, прежде чем бросать, он делил поток на квадранты, он проводил разведку поперек хода воды, и если ловил на нимфу, то сначала укладывал мушку на поверхность ручья по течению, затем опускал на фут глубже и вел в противоположную сторону. Он учился у обоих родителей и прочитал тонну книг по этой теме. Его мать, Ханси, была исключительно хорошей рыбачкой и учительницей. Его удочка почти всегда была высоко поднята, метроном наконечника колебался с одиннадцати до одного на циферблате или с десяти до двух, классический заброс. Все было четко, как по учебнику, он выполнял ступенчатую проводку с безупречным ритмом даже на самом сильном ветру. Джек иногда наблюдал, как его приятель рыбачит, и думал, как все-таки забавно, что инженером стал он сам, а не Винн. В тот день они поймали примерно одинаковое количество рыбы.

Теперь они просто веселились, смеялись над прожорливыми палиями и отпускали каждую выловленную рыбу. Пара мухоловок щебетала неподалеку и заставляла раскачиваться тонкий тростник, пока они пробирались между деревьев. Палии были в основном крошечными и безумно жизнерадостными, как маленькие дети. Они бросались к мушке и промахивались, или волновались до такой степени, что перепрыгивали прямо через нее, или натыкались на леску и тут же отскакивали. Неоднократно сразу две рыбешки пытались заглотить наживку одновременно. Джек, наконец, достал свой нож, срезал с мушки крючок и попытался хватать их прямо рукой в момент клева. Ему удалось таким манером вытащить парочку из воды, но забаву пришлось оставить. Он услышал свист.

Он окинул взором протяженность ручья и увидел, как Винн, сматывая леску, кивает на что-то головой, призывая поскорее спускаться. Причиной точно не была рыба – он смотрел в сторону реки. Джек поспешно сложил удочку и потрусил вниз по каменистому берегу. Винн выбрался на сушу и безо всякого выражения уставился на что-то посреди широкого русла. Джек молча присоединился к нему. Они встали плечом к плечу и устремили свои взгляды вверх по течению.

Глава пятая

Они увидели лодку. Зеленое каноэ. Обогнув широкий изгиб излучины, оно полностью открылось взору на середине реки. Нехорошо. С каждой полусотней ярдов у них, кем бы они ни были, оставалось все меньше и меньше времени на то чтобы причалить к пляжу у правого берега. Их могло утянуть в водопад.

– Вот дерьмо, они вообще в курсе, интересно? – проговорил Винн.

– Чертовой прорвы времени они для себя явно пожалели.

Джек свистнул, преувеличенно насмешливо и вызывающе, оба принялись размахивать руками, зазывая гребцов на свою сторону реки. Стих щебет мухоловок. Прищурившись, парни смогли разглядеть, что лодкой управляют не двое – не две пары рук, с усилием налегающих на весла – а всего один человек. Мужчина с непокрытой головой. В пятнистом солнечном свете едва угадывалась его фигура и вспышки бликов на мокром весле. Мужчина делал им несколько гребков, затем давал себе передышку, что было довольно беспечно посреди безжалостного течения.

Теперь уже оба свистели и размахивали руками. Они увидели, как замерло весло. Пропустило удар, два, больше. Он остановился, окаменел, полностью прекратил двигаться, застигнутый неким внезапным раздумьем.

– Ага, конечно, – пробормотал Джек почти пренебрежительно, – Пересмотри свою стратегию. Подумай, согласуется ли верное самоубийство с твоими планами.

Он вновь оглушительно свистнул, и Винн поспешил зажать предплечьем левое ухо.

– Нет, ну ты посмотри, – сказал Джек, – Гребаный один-единственный чувак.

Джек собирался возобновить свои попытки привлечь внимание, но тут они увидели, что весло снова пришло в движение. Луч солнца высветил его, затем померк, скрывшись за облаками, резко повеяло холодом. Кто бы это ни был, контекст ситуации начал до него доходить. Со сноровкой опытного байдарочника он широко развернул лодку поперек течения, взял курс на правый берег и двинулся к нему. Отлично. Вот только какого хрена? Джек не мог выкинуть это из головы. Гребцов должно было быть двое, мужчина и женщина.

Винн просто рад был убедиться в том, что человек в каноэ не лишен здравого смысла и, по меньшей мере, каких-то базовых навыков, потому что он, судя по всему, тоже поставил своей задачей преодоление реки.

* * *

Мужчина подался вперед, нос каноэ глубже погрузился в воду, целью его был берег. Он еще поддал скорости несколькими резкими взмахами весла и гладко прошел линию прибоя. Немного забирая влево, чтобы течение не развернуло его спиной вперед, он под углом пересек бассейн и позволил килю заскрежетать по гравиию на мелководье. Успех. Все еще сжимающие свои удочки Джек и Винн, не сговариваясь, шагнули вперед, свободными руками подхватили лодку мужчины за нос и вытащили ее на берег, оставив в воде только корму. Их взгляды скользнули по корпусу. Это был зеленый олд-тауновский Пенобскот, тяжелый, но крепкий. Изрядно поцарапанный и побитый жизнью. Мужчина стоял на коленях по центру в позе гребца-одиночки, окруженный четырьмя непромокаемыми рюкзаками, двумя спереди и двумя сзади. Прямо перед ним на рюкзаках лежал короткоствольный дробовик Морской Винчестер 12-ого калибра, закрепленный ремнем, но отнюдь не в чехле. Джек узнал его сразу, дома у него имелся такой же. Парни приняли это к сведению. Однако в большей степени их интересовало лицо человека. Молодой, лет тридцати пяти, быть может. Темные вьющиеся волосы растрепаны, на

щеках подросшая за несколько дней отросла борода, покрасневшие голубые глаза, ошеломленный взгляд – возможно, последствия паники или пережитого шока. Мужчина не спешил благодарить их за помощь при швартовке. Вообще ничего не говорил. Лишь смотрел поочередно то на одного, то на другого.

– Майя, – наконец произнес он. Каким-то мучительным, прерывистым карканьем, – Майя...

Его словно заело. Одно и то же слово. Встало поперек горла наполовину заглоченной наживкой.

– Притормози. Почему бы тебе не подняться? – мягко уговаривал мужчину Винн, – Уже можно. Ты на берегу.

Человек, казалось, совершенно его не понимал.

– Может, он француз, или типа того? – пробормотал Джек, – Или швед. Европейцы без ума от этих рек.

– Да, возможно.

– Я не швед, – прохрипел мужчина. Практически пролаял. А затем все его лицо как-то сморщилось. Он зарыдал. Парни зачарованно уставились на него, – Моя жена, – выдавил он из себя, – Она пропала. Ушла.

* * *

Сложив удочки в собственное каноэ, они помогли мужчине выбраться из лодки. Он носил зеленую шерстяную клетчатую рубашку и такие же резиновые сапоги до колен, какие были и на них. Он пошатнулся, пытаясь встать на камни. Джек едва успел его поймать.

– Эй, эй, – воскликнул он, – Что не так? Что у тебя с ногой?

Винн бросил взгляд вниз. Брюки мужчины на правом бедре были разорваны и залепаны кровью.

– Ничего, – ответил мужчина, – Оступился в тумане, ничего страшного.

– А выглядит вполне страшно. Что это было, напоролся на ветку, пробираясь сквозь бурелом?

– Просто царапина, – человек был почти в ярости. Джек не обращал на это внимания.

– Почему бы тебе не подняться вот сюда и не присесть на секунду?

Мужчина посмотрел на них так, словно увидел впервые. Дикий взгляд, почти обезумевший от горя или страха. Он повернулся обратно к каноэ, вытащил дробовик из-под ремня и перекинул его через плечо. Джек взглянул на Винна, а затем повел хромящего мужчину к скальному выступу в задней части пляжа. Гранит там образовал высокую скамью, и Джек прислонил его к ней. Винн захватил с собой из лагеря бутылку фильтрованной воды и теперь протянул ее мужчине, который жадно выпил.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что она ушла? – спросил Джек.

– Ушла, – мужчина моргнул, – В ночь, когда опустился туман. Он немного прояснился, я увидел еще одно каноэ. Довольно далеко.

Джек заметил, что правой рукой мужчина неуверенно сжимает ремень ружья.

– Мы... Мы должны были спуститься на воду. Спуститься и рассказать кому-нибудь.

Винн возвышался над ним, даже ссутулившись и сунув руки в карманы. Такую позу он принимал, когда был обеспокоен и не знал, что ему делать. Как будто пытался дать понять собеседнику, что поблизости есть, на что опереться, и обеспечивал его тенью. Джек про себя всегда называл его Деревцем, когда видел таким. Вот и теперь Деревце выглядел встревоженным. Он не понимал, что происходит. Джек забрал бутылку с водой из рук мужчины и всучил ее другу.

– Налей еще, ладно?

Винн принял ее и, не говоря ни слова, повернул к ручью. Вода там была чище и не забивала фильтр осадком.

– Вдохни поглубже, приятель, – сказал Джек, – Вот так, дыши. Слушай, не надо плакать. Мы разберемся с этим.

Мужчина спрятал лицо в рукаве. Джек опустил ладонь ему на плечо. Он сказал:

– Мне нужно, чтобы ты сосредоточился.

Это был приказ. Мужчина поднял голову. На секунду его затуманенные глаза прояснились. Затем снова помутнели от слез.

– А? – переспросил он.

– Мне нужно, чтобы ты сосредоточился, – повторил Джек, – Что-то пошло не так. Теперь расскажи мне, как все было.

Мужчина рассматривал Джека. Оценивающе, изучающе. Джеку даже почудились нотки страха. Он потряс головой, пытаясь избавиться ее от всего лишнего. Что его так смущало? Не мог же этот человек думать, будто *они*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.